

Религіозно-філософскіе вечера.

(Продолженіе).

ВТОРОІ ВЕЧЕРЪ.

Современная наука и религія.

На слѣдующій вечеръ мы снова собрались на той же террасѣ у голубого озера. Не хватало только Семенова, уѣхавшаго на этотъ день въ Нуайонъ. Во время обѣда каждый рассказывалъ, что онъ видѣлъ хорошаго и сколько пріятныхъ впечатлѣній накопилъ за день.

За кофе Бѣльскій снова поднялъ вчерашній разговоръ, въ которомъ, очевидно, что-то не давало ему покоя.

— Я позволю себѣ напомнить вамъ, господа, началъ онъ, слова г. Леруа въ концѣ нашей вчерашней бесѣды о томъ, что споръ между *вѣрой* и *разсудкомъ* еще далеко не исчерпанъ. Мы покончили съ этимъ вопросомъ двумя-тремя красивыми фразами, но на самомъ дѣлѣ это противорѣчіе такъ велико, что оно потрясало души до самой глубины и залило кровью исторію человѣчества. Сократъ за оскорбленіе боговъ былъ приговоренъ къ смерти. Жертвы инквизиціи терпѣли пытки зато, что осмѣливались толковать Библию по-своему. Свободомысліе привело Джордано Бруно на костеръ, а защита обращенія земли привела Галилея въ темницу. Вотъ кровавые памятники этой борьбы на стезяхъ исторіи. Если въ наши времена нѣтъ новыхъ жертвъ, то это признакъ близости полной побѣды разсудка.

Миссъ Вильсонъ. Мнѣ кажется, г. Бѣльскій, что вы нѣсколько видоизмѣняете вчерашній вопросъ. Мы говорили собственно о спорѣ *разсудка* съ *сердцемъ*.

Девилль. Разумѣется, мы говорили о спорѣ *сердца* и *раз-*

судка въ дѣлѣ религіи, но такъ какъ мы уже убѣдились, что сердце не можетъ отстать отъ религіи, то теперь можемъ обратиться къ дальнѣйшей части вопроса и разобрать, стоить ли и разсудокъ за религію, или отвергаетъ ее. По моему мнѣнію отвѣтъ г-на Бѣльскаго на этотъ вопросъ совсѣмъ не годится. Въ вышеупомянутыхъ печальныхъ событіяхъ, къ которымъ можно присоединить еще цѣлый рядъ такихъ же, дѣло шло не о борьбѣ религіи съ разсудкомъ, а въ лучшемъ случаѣ—о борьбѣ различныхъ религій. Говоря точнѣе, это былъ споръ человѣческихъ *убѣжденій*, откуда бы они ни исходили—изъ разсудка ли, изъ вѣры ли, или изъ прихоти. Ради обезпеченія побѣды своимъ убѣжденіямъ человѣкъ всегда былъ готовъ пустить въ ходъ силу, если она имѣлась въ его распоряженіи. Терпимость къ чужимъ мнѣніямъ—цвѣтъ *нашей* современной цивилизаціи, а въ прежнее время чужія убѣжденія терпѣль только тотъ, у кого не было своихъ, или кто былъ не въ силахъ заставить ихъ признавать. Каждая религія насчитываетъ кровавыя пятна на своей исторіи, къ сожалѣнію, не исключая и Жюневскаго кальвинизма. Но это вина не религій, а ограниченности и страстности человѣка. Религіи даютъ только твердыя убѣжденія—и это благодѣтельно, а люди хотятъ эти убѣжденія силою навязать другимъ—и это безумно.

Я. Позвольте мнѣ вставить одно замѣчаніе. Когда уже ставшее христіанскимъ римское государство въ первый разъ употребило силу противъ отпавшихъ донатистовъ, то блаж. Августинъ возсталъ противъ этого и ясно изложилъ основанія той гражданской терпимости, о которой мы говоримъ. Однако ходъ событій убѣдилъ просвѣщеннаго учителя церкви, что при тогдашнемъ состояніи права подобная кротость къ вѣроломнымъ поджигателямъ была невозможна. Онъ отказался отъ своего прежняго взгляда, однако примѣненіе смертной казни къ еретикамъ никогда не встрѣчало въ немъ сочувствія. Не церковь, а государство издало драконовскіе законы противъ ереси. Въ то время церковь была просто не въ состояніи дѣятельно выступить противъ суровой мѣры, примѣнявшейся и за гораздо меньшія провинности, чѣмъ преступное отпаденіе отъ вѣры; потому что нельзя забывать и того, что законъ отлично различалъ предательскую измѣну вѣрѣ отъ унаслѣдованнаго заблужденія. Даже въ грубые

средніе вѣка церковная власть не разъ выражала порицаніе насилію и принципиально отвергала обращеніе евреевъ и язычниковъ путемъ принужденія. Поэтому я не согласенъ, что наше время открыло начала вѣротерпимости, а скажу, что оно только лучше осуществило ихъ въ жизни. Это—слѣдствіе общаго облагороженія нравовъ и постепеннаго созрѣванія началъ цивилизаціи, зародыши которыхъ христіанство носило въ себѣ съ первыхъ временъ. И вы сами знаете, что и до сихъ поръ въ Европѣ не вездѣ царитъ вѣротерпимость.

Леруа. Конечно, всѣ эти проявленія насилія не имѣютъ ничего общаго съ духовной борьбой между разсудкомъ и религіей. Вѣрно также и то, что въ исторіи эта духовная борьба за исключеніемъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ случаевъ не наблюдалась до конца среднихъ вѣковъ. Люди того времени умѣли до извѣстной степени подчинять разсудокъ вѣрѣ. Они считали, что эти оба свѣта взаимно усиливаютъ другъ друга. Въ эпоху возрожденія тамъ и сямъ уже показываються признаки несогласія. Но только съ XVIII столѣтія загорается борьба на жизнь и на смерть и страстно ведется обѣими сторонами. Въ XIX вѣкѣ это уже не столько борьба, сколько разводъ. Люди поняли, что ни разсудокъ, ни религія не дадутъ погубить себя. Но между ними обоими зияетъ страшная пропасть и разверзается все шире и шире. Науки, широко развившіяся съ начала XIX вѣка, привели и продолжаютъ приводить людей къ сознанію этого противорѣчія, такъ что о примиреніи не можетъ быть и рѣчи.

Лучше всего я могу охарактеризовать это историческое явленіе, напомнивъ вамъ, что писалъ нашъ несравненный критикъ Тэнъ въ своихъ послѣднихъ статьяхъ по исторіи революціи въ *Revue des deux Mondes*.

Уже около середины XVIII столѣтія, говоритъ онъ, открытія ученыхъ подъ упорядочивающимъ вліяніемъ философовъ набросали полный контуръ той большой картины, надъ окончаніемъ которой до сихъ поръ трудится человѣчество. Это—картина физическаго и моральнаго міроваго цѣлаго. Этотъ рисунокъ при всей своей первобытности былъ набросанъ такъ вѣрно и хорошо, что позднѣйшимъ поколѣніямъ, работавшимъ надъ картиной, не оставалось ничего другого, какъ заполнять очертанія и отдѣлывать мелочи. Отъ Гер-

шеля и Лапласа, отъ Вольты, Кювье, Ампера, Френеля и Фарадея до Дарвина и Пастера, до Бюрнуфа, Момсена и Ренана всё зарисовываютъ пустыя мѣста картины: фигуры приобрѣтають выпуклость, новыя черты выясняютъ и дополняютъ прежнія, но при этомъ все же не мѣняютъ смысла и вида всего цѣлаго. Напротивъ, руководящая мысль, грезившаяся первымъ творцамъ, выступаетъ все сильнѣе, глубже и совершеннѣе, и происходитъ это оттого, что и предшественники и послѣдователи, всё, какъ говорятъ художники, работаютъ *съ натуры* и постоянно сравниваютъ свое произведеніе съ образцомъ.

Но между этой картиной міра и той, которую рисуетъ вѣрующимъ религія, возникаетъ рѣзкая разница, противорѣчіе, бросающееся каждому въ глаза. Въ то время, какъ первая постоянно пополняется благодаря новымъ открытіямъ науки, вторая становится все опредѣленнѣе вслѣдствіе новыхъ догматическихъ рѣшеній. Первая опирается на разумъ и доказательства, вторая навязывается убѣжденію путемъ богослужебныхъ торжествъ, церковнаго воспитанія и особенно дѣлъ милосердія, на которыя умѣетъ вдохновлять религія и которыя составляютъ ея честь и силу.

Просвѣщенные умы все болѣе и болѣе обращаются къ первой картинѣ; много благородныхъ сердець еще держатся второй. Но въ наши дни и вѣрующій нерѣдко терзается болѣзанной внутренней борьбой.

— Что должны мы отвергнуть—науку или вѣру?—спрашиваетъ онъ себя.

Есть такіе, которые неразумно пытаются вопреки ясной очевидности согласить обѣ противорѣчивыя картины и строить искусственные мосты и лѣстницы между ними. Но это,—говоритъ Тэнъ,—одна фантазмагорія словъ, которая даетъ лишь воображаемое утѣшеніе на короткое время.

Вотъ почти слово въ слово воззрѣніе Тэна. Заключение онъ не выводитъ, но заставляетъ его угадывать. Религія не выдержитъ возрастающаго натиска науки и когда нибудь, хотя еще вѣроятно не скоро, погибнетъ.

Миссъ Вильсонъ. Этотъ взглядъ дѣйствительно замѣчательный: онъ рѣзко очерчиваетъ противорѣчіе между сердцемъ и разумомъ. Но по-моему все, что онъ говоритъ о религіозной картинѣ міра, опирающейся на догматическія опре-

дѣленія, относится исключительно къ римскому католичеству, которое было предъ глазами француза Тэна. Евангелическое христіанство свободно отъ этихъ оковъ и можетъ сообразоваться съ потребностями научнаго прогресса. Поэтому намъ нечего бояться и послѣдняго вывода о будущей гибели религіи.

Девилль. Противъ этого я буду возражать, сударыня. Мы не можемъ утверждать, что евангелическое христіанство въ состояніи выдержать этотъ натискъ Тэна. Оно, конечно, не окаменѣлый кристаллъ, какъ католичество, но оно всетаки положительная религія, основанная на вѣрѣ въ Христа. Намъ у Тэна несомнѣнно было католичество. Но то, яко бы научное, міровоззрѣніе, которое онъ противопоставляетъ религіозному, признаетъ истиной только то, что лежитъ въ области науки и находитъ себѣ подтвержденіе въ экспериментальномъ методѣ. Такое міровоззрѣніе исключаетъ не одну католическую догматику, но всякое вмѣшательство Бога, явленіе Христа, даже безсмертіе души и личнаго Бога, и слѣдовательно не оставляетъ и слѣда христіанства. Мало того, оно дѣлаетъ невозможной какую бы то ни было религію.

Гайнбергъ. Я держусь основнаго положенія, что между наукой и религіей нѣтъ ничего общаго. Христіанскій ученый долженъ стоять на высотѣ науки и съ неограниченной свободой слѣдовать за ея развитіемъ, но при этомъ вѣрить въ то, во что приказываетъ ему вѣрить совѣсть. Онъ долженъ воздвигнуть въ своей душѣ непроницаемую стѣну между этими двумя областями и разъ навсегда сказать себѣ, что не будетъ даже думать объ ихъ сопоставленіи.

Девилль. Ахъ, это только полумѣра, г. фонъ-Гайнбергъ! Она можетъ оказывать субъективную пользу, можетъ даже доставить относительное душевное спокойствіе многимъ людямъ, особенно такимъ, которые ведутъ очень дѣятельную жизнь или специализируются на какойнибудь одной вѣтви науки. Но въ сущности такая полумѣра не удовлетворяетъ человѣческаго духа, потому что у человѣка только *одно* сознаніе. Объективной цѣны такой взглядъ безусловно не имѣетъ, такъ какъ объективная истина тоже только *одна*. Такъ, напримѣръ, загробная жизнь или существуетъ, или нѣтъ; можно оградить свой душевный покой, не думая о

противорѣчіи этихъ двухъ положеній, но на самомъ дѣлѣ одно изъ нихъ необходимо должно быть истинно, а другое ложно.

Гайнбергъ. Какое же средство нашли вы для примиренія этихъ противорѣчій?

Бъльскій. Это интересно послушать.

Девилль. Я и не думаю о примиреніи противорѣчиваго, а утверждаю, что все противорѣчіе между научнымъ и религіознымъ міровоззрѣніемъ — одно сплошное недоразумѣніе.

Бъльскій. Какъ? Недоразумѣніе?

Девилль. Да, недоразумѣніе, и я постараюсь объяснить его въ немногихъ словахъ.

Если-бы религіи противопоставляли какую нибудь философію, напр. Гегелевскую, начала XIX столѣтія, то весьма возможно, что между обоими міровоззрѣніями было бы извѣстное разнорѣчіе. Философія устремляетъ взоръ на міръ въ цѣломъ и потому во многихъ высокихъ вопросахъ становится лицомъ къ лицу съ религіей. Но въ нынѣшнее время религію противопоставляютъ не той наукѣ. Новѣйшая наука ясно отграничила свою задачу и свою точку зрѣнія, и именно потому завоевала такой успѣхъ. Она совсѣмъ отдѣлилась отъ метафизики и философіи вообще и предоставила послѣдней изслѣдованіе сущности бытія и глубочайшихъ причинъ вещей. Областью своею она объявила исключительно явленія и ихъ законы, методомъ — наблюденіе и основанные на немъ логическіе выводы, которые всегда доступны провѣркѣ на опытъ и потому никогда не переходятъ его границъ. Но *эта наука* и поползновеній не имѣетъ объяснить міръ въ цѣломъ, да и не въ состояніи это сдѣлать. Область, въ которой она движется, одинаково далека какъ отъ области религіи, такъ и отъ области философіи. О дѣйствительномъ столкновеніи не можетъ быть рѣчи.

Наука изслѣдуетъ, какъ изъ туманностей возникаютъ солнца и планеты, но откуда взялась матерія, имѣетъ ли она бытіе отъ себя, или отъ кого другого, объ этомъ наука не знаетъ и не спрашиваетъ. Но именно это и есть поле вѣры, и можетъ быть также предметомъ философскаго умозрѣнія. Наука устанавливаетъ результатъ, къ которому ведетъ развитіе туманности, а вопросъ, былъ ли этотъ резуль-

татъ заранѣе предвидѣнъ и предопредѣленъ, касается не науки, а философіи и религіи. Наука изслѣдуетъ, при какихъ условіяхъ въ организмѣ возникаетъ сознание, и слѣдитъ за измѣненіями этого сознанія до момента смерти, гдѣ оно исчезаетъ изъ области наблюденія. Но кто настоящій носитель этого сознанія, духъ или матерія, и принимаетъ ли духъ послѣ смерти другую форму существованія,—это вопросы, на которые нечего отвѣтить наукѣ, тогда какъ именно объ этомъ разсуждаетъ религія и по-своему занимается философія.

Правда, что многіе ученые, особенно второго и третьяго разряда, не мѣшкаютъ создавать метафизическія системы. Вооружившись методомъ и вспомогательными средствами естественныхъ наукъ, къ которымъ они привыкли, они покидаютъ свою область и отправляются въ страну метафизическихъ и религіозныхъ задачъ. Они рѣшаютъ эти задачи во имя науки въ утвердительномъ или отрицательномъ смыслѣ на основаніи эмпирическихъ понятій и началъ, и при этомъ не думаютъ о томъ, что уже давно вышли изъ области опытныхъ наукъ, и что начала, на которыя они ссылаются, на чуждой почвѣ не имѣютъ цѣны. Такъ они строятъ себѣ извѣстное міровоззрѣніе, утверждаютъ, напримѣръ, что вселенная монистична, а не дуалистична, что она создалась по общимъ законамъ, наблюдающимся въ лабораторіяхъ, что она не имѣетъ ни начала, ни конечной цѣли, что внѣ ея не существуетъ ничего, и т. д.

И это міровоззрѣніе, которое, какъ всякій видитъ, есть метафизика—правда, плохая, но всетаки метафизика—они называютъ научнымъ.

На самомъ дѣлѣ такое міровоззрѣніе отъ науки, въ томъ смыслѣ какъ мы ее опредѣлили, имѣетъ только форму.

Ходъ доказательствъ, въ которыхъ они движутся, по формѣ наученъ, но они прилагаются не къ предмету науки. Въ сферѣ опыта, изъ которой они взяты, они были бы превосходны, въ области метафизики они бессмысленны. Положеніе „безъ мозга нѣтъ мысли“ въ предѣлахъ *нашего* опыта вполне правильно и достаточно обосновано, но если ему придать всеобщее значеніе и рѣшить, что *никакое* существо не можетъ думать безъ мозга, то оно становится смѣшнымъ по своей смѣлости и безодержательности.

Бъльскій. Но вѣдь научный методъ, который съ такимъ успѣхомъ примѣняли въ наше время естественныя науки, одинъ только и доступенъ намъ. Внѣ его нѣтъ ничего вѣрнаго.

Девилль. Ваши собственные слова говорятъ какъ разъ противъ научнаго метода. Научный методъ утверждаетъ только одно, что въ области опыта нужно идти къ такимъ-то и къ такимъ-то основоположеніямъ, чтобы достигнуть истины, но дальше этого не даетъ дѣлать ни шага въ утвержденіи или отрицаніи, и когда какая нибудь философія или религія заявляетъ, что она другими путями достигла бѣльшаго знанія или вѣры, то экспериментальной наукѣ нечего на это отвѣтить кромѣ того, что это ея не касается.

Леруа. Но можетъ же наука создавать гипотезы по ту сторону изслѣдованной области! Эти гипотезы благодаря новымъ завоеваніямъ со временемъ приобрѣтаютъ такое вѣроятіе, что, не будучи вполнѣ доказаны, подходятъ къ истинѣ бесконечно близко, и безпощадное отрицаніе ихъ безъ сомнѣнія противно духу науки.

Девилль. Разумѣется, наукѣ не запрещено создавать гипотезы относительно того, что лежитъ за изслѣдованною ею областью, но она должна при этомъ оставаться все время въ границахъ опыта, т. е. въ такой сферѣ, гдѣ изслѣдованія возможны при помощи средствъ свойственныхъ экспериментальной наукѣ. Гипотеза постольку научна и полезна для науки, поскольку она является полетомъ мысли за предѣлы извѣстнаго, но въ указанномъ опытѣ направленіи и въ надеждѣ добиться когда нибудь подкрѣпленія путемъ новыхъ опытовъ. Этой надеждой гипотеза живетъ, на ней основывается ея оправданіе, и если она наудачу пускается за предѣлы возможнаго опыта, то она перестаетъ быть научной.

Можно создавать различныя предположенія о томъ, какъ изъ туманности развивается планетная система, потому что все это лежитъ еще въ области опыта: многое по этому поводу доступно наблюденію на нашемъ настоящемъ небѣ, многое можно установить путемъ лабораторнаго опыта. Но обладаетъ ли вещество туманности независимымъ бытіемъ, или зависитъ отъ нѣкотораго творца, объ этомъ нельзя выставлять гипотезы, потому что здѣсь нѣтъ мѣста опыту. От-

носительно мѣстонахожденія психическихъ функцій въ той или другой части мозга можно дѣлать научныя предположенія, потому что рѣшающее изслѣдованіе въ этомъ случаѣ допустимо, но предположеніе, что сознаніе есть не что иное, какъ обратная сторона мозговыхъ движеній, не можетъ считаться научной гипотезой, потому что нельзя даже вообразить себѣ опыта, который могъ бы доказать что-либо подобное.

Миссъ Вильсонъ. Мнѣ въ вашемъ доказательствѣ не нравится только то, что оно страшно отвлеченно. Не можете ли вы намъ показать нѣсколько нагляднѣе, какъ изъ него вытекаетъ примиреніе, или по-вашему полное раздѣленіе обѣихъ картинъ мірозданія, религіозной и научной.

Девилль. Если угодно, мы попробуемъ развернуть наглядную картину міра, нарисованную намъ наукой, и убѣдимся, что о противорѣчьи съ религіей и рѣчи нѣтъ. Я не буду утомлять васъ подробностями, а возьму только главныя черты.

Современная наука въ общемъ старается постигнуть какъ физическую, такъ и нравственную сторону міра съ точки зрѣнія теоріи развитія. Это уже въ самомъ принципѣ благоприятно для религіи, ибо ничто такъ не ведетъ душу къ исканію начала и Творца, какъ мысль о развитіи. Гдѣ есть развитіе, тамъ нѣтъ хаоса и случайности, а есть стремленіе къ цѣли, потенциально заключавшейся уже въ самомъ началѣ.

Прежде всего неорганическій міръ представляетъ глазамъ науки картину эволюціи, которая съ помощью механическихъ, присущихъ веществу силъ, идетъ отъ первоначальной туманности къ образованію нашей настоящей планетной системы. Здѣсь никакое положеніе, никакая гипотеза не сталкивается съ религіознымъ міровоззрѣніемъ. Религія интересуется, какъ сказано, только тѣмъ, что вещество получаетъ свое бытіе отъ Творца и что результатъ происходящей при помощи силъ природы эволюціи предуставленъ Творцомъ; а въ этомъ, какъ мы видѣли, опыты науки уже не компетентны. Далѣе наука старается объяснить той же теоріей развитія и разнообразіе видовъ, наблюдаемое нами въ органическомъ мірѣ. Въ этомъ отношеніи она смогла установить немногое, натолкнулась на большія трудности и въ

настоящую минуту плаваютъ въ смѣлыхъ гипотезахъ. Но ни въ этихъ гипотезахъ, ни въ ихъ возможныхъ выводахъ нѣтъ ничего противорѣчающаго религіозному міросозерцанію. Только одна гипотеза, часто выставляемая дарвинистами, противорѣчитъ ему, а именно та, что эволюція есть цѣпь слѣпыхъ случайностей, безъ руководящей мысли Творца,—но именно эта гипотеза и не научна, а принадлежитъ философіи и взята изъ метафизики матеріализма.

Я. На одно я позволю себѣ обратить ваше вниманіе: изъ всеобщаго развитія жизни на землѣ я желалъ бы безусловно исключить человѣка; и въ этомъ нѣтъ никакого противорѣчія, или несогласія. Очень легко допустить, что органическій міръ, подобно неорганическому, посредствомъ природныхъ силъ, дарованныхъ ему Творцомъ, постепенно развился до извѣстной степени совершенства. Затѣмъ, какъ существо высшаго рода, былъ введенъ въ предназначенное ему царство человѣкъ.

Тотъ фактъ (оставившій глубокій слѣдъ въ памяти всѣхъ народовъ), что первобытное состояніе человѣка было его совершеннѣйшимъ и счастливѣйшимъ состояніемъ, а не животною дикостью,—сильно говорить въ мою пользу.

Девилль. Я тоже ничего не имѣю противъ исключенія человѣка изъ общей эволюціи. Но если мы даже допустимъ, что наукѣ удастся (отъ чего она еще очень далека) объяснить происхожденіе человѣка въ смыслѣ эволюціонной теоріи, то я утверждаю, что это предположеніе въ общемъ не уклоняется отъ религіи. Какимъ бы способомъ ни возникъ изъ прака человѣкъ, онъ всетаки созданіе Бога, Который заранѣе предопредѣлилъ это развитіе міра во всѣхъ его подробностяхъ. Какимъ бы образомъ человѣкъ ни дошелъ до своихъ нравственныхъ, эстетическихъ и религіозныхъ понятій, онъ во всякомъ случаѣ обязанъ, достигнувъ познанія самого себя, природы и Бога, воздавать честь Богу и повиноваться, какъ Божіему, тому нравственному закону, который онъ находитъ въ своемъ сердцѣ. Въ этомъ и состоитъ сущность религіи. Возвращаясь затѣмъ снова къ теоріи происхожденія видовъ, я скажу, что она имѣетъ приверженцевъ и среди католическихъ ученыхъ. Я припоминаю, что еще Августинъ въ своей книгѣ *De genesi ad litteram* высказываетъ предположеніе, что Богъ съ самаго начала въ

потенціальному, зачаточному состояніи создалъ все, что впослѣдствіи должно было развиться и постепенно явиться на свѣтъ. Эту гипотезу Августинъ распространяетъ и на человѣческую душу, не потому, чтобы въ его глазахъ духъ и вещество были одно и то же, но потому, что онъ и душу рассматриваетъ, какъ начало, сперва существовавшее въ потенциальномъ видѣ и только впослѣдствіи развившееся до дѣйствительнаго бытія. Вотъ вамъ, господа, примѣръ христіанскаго воззрѣнія, которое шагнуло за предѣлы не только тогдашнихъ, но, что особенно замѣчательно, и нынѣшнихъ опытныхъ наукъ. Наука рассматриваетъ, развиваются ли, и какимъ образомъ, различные виды изъ своихъ элементовъ, а христіанство устами Августина утверждаетъ только то, что плодovitое сѣмя столь богатаго міра посѣяно рукою Божіей.

Гайнбергъ. Я долженъ признаться, что мнѣ очень нравится этотъ взглядъ. Я самъ часто жалѣлъ, что метафизика постоянно забирается въ область опытной науки. Вы правильно провели границу: съ одной стороны поле опыта, принадлежащее наукѣ, съ другой—вещь въ себѣ, царство метафизики и религіи. Очень хорошо! Впрочемъ блестящая мысль Тэна о двухъ міровыхъ картинахъ мнѣ представляется во многихъ отношеніяхъ уже фантазмагоріей, если употребить противъ него его же собственное выраженіе. На самомъ дѣлѣ, представители экспериментальныхъ наукъ вовсе не создаютъ цѣльной картины мірозданія, а обрабатываютъ лишь частности, и только на эмпирической поверхности. Философы же напротивъ направляютъ свою упорядочивающую дѣятельность на цѣлое; но они работаютъ вовсе не „съ природы“, какъ бы хотѣлось Тэну, а съ помощью понятій, потому что цѣлое, о которомъ идетъ у нихъ рѣчь, не поддается наблюденію. Пока завоеванія научнаго изслѣдованія должнымъ образомъ испытаны и доказаны, они не приходятъ въ столкновеніе другъ съ другомъ, а напротивъ превосходно подходятъ одно къ другому. Построенія же философовъ постоянно трутся другъ о друга и взаимно уничтожаютъ другъ друга до основанія, и въ XIX вѣкѣ болѣе, чѣмъ когда либо. Общая картина міра, сохранившаяся въ основныхъ своихъ чертахъ отъ прошлаго столѣтія—существуетъ только въ благочестивомъ желаніи Тэна. Именно

этихъ-то основныхъ чертъ намъ и недостаетъ. Да къ тому же начатки новѣйшаго развитія науки относятся вовсе не къ концу XVIII столѣтія, къ Гершелю, Лапласу и Вольтѣ, а восходятъ къ XVII и даже XVI вѣкамъ. Уже Коперникъ, Кеплеръ, Декартъ и Ньютонъ сдѣлали тѣ великія и продуктивныя открытія, которыя направили науку на новый путь.

Деруа. Мнѣ не хочется такъ строго судить Тѣна, но я все-таки скажу, что взглядъ г. Девилля мнѣ нравится. Я ждалъ, что г. Девилль предприметъ опытъ подробнаго согласенія и начнетъ по пунктамъ строить искусственные мосты между наукой и религіей. Въмѣсто этого мы сразу провели разграничивающую черту, правильность которой пока неоспорима. Но этимъ способомъ перейдена меньшая и легчайшая часть пути. Я съ нетерпѣніемъ жду, г. Девилль, какъ вы перенесете этотъ взглядъ на *красотвенный* порядокъ, на *историческое развитіе* человѣчества. Тамъ мы наталкиваемся на сверхъестественныя явленія, которыя религія признаетъ, а наука отвергаетъ. Тамъ выступаетъ Провидѣніе, по свидѣтельству религіи направляющее человѣчество, тогда какъ наука заставляетъ его управляться историческими законами. Вы и тамъ проведете ту же границу, какъ въ царствѣ природы?

Миссъ Вильсонъ. Это и мнѣ любопытно послушать.

Девилль. Я убѣжденъ, что и въ этой области царить то же различіе, хотя оно и не такъ замѣтно для нашего глаза. Историческія науки могутъ съ полной свободой изслѣдовать историческія событія, называть ихъ слѣдствіями предыдущихъ условій и отыскивать законы, по которымъ протекають судьбы человѣчества и развиваются цивилизаціи. Все это отнюдь не мѣшаетъ историческимъ явленіямъ въ высшемъ смыслѣ зависѣть отъ предназначенія и руководства Божественнаго Провидѣнія. Провидѣніе состоитъ не въ томъ, что Господь Богъ, какъ многіе наивно думаютъ, постоянно трудится у міровой машины и посылаетъ солнце и дождь не по міровымъ законамъ, а по молитвамъ, день за днемъ возносящимся къ Его престолу. Творцу отъ вѣчности было сразу ясно и извѣстно все, что Онъ положилъ сдѣлать, со всѣми мотивами, которые Онъ хотѣлъ принять въ соображеніе. Въ моментъ того перваго акта, которымъ онъ далъ за-

коны какъ природѣ, такъ и развитію человѣчества, Онъ видѣлъ всѣ слѣдствія этихъ законовъ, до падающаго съ нашей головы волоса, и заранѣе *хотѣлъ* ихъ. Такимъ образомъ все, что ни происходитъ въ мірѣ, происходитъ по законамъ природы и исторіи, составляющимъ область научныхъ изслѣдованій, и въ то же время по начертанному Божественнымъ Провидѣніемъ плану. Тотъ первый актъ Творца, заключающій въ себѣ всѣ слѣдствія, къ которымъ ведутъ сквозь рядъ вѣковъ законы природы и исторіи, и есть не что иное, какъ-то Божественное Провидѣніе, которое правитъ міромъ.

Но этимъ не исключается въ извѣстныхъ случаяхъ возможность *необычнаго* вмѣшательства и сверхъестественнаго откровенія Бога. Доказательствомъ тому служатъ отдѣльныя религіи, ссылающіяся на это. Но помимо того, какъ всякій видитъ, достаточно и обыкновеннаго провидѣнія, которое я только что описалъ, для религіознаго міросозерцанія и для начала религіозныхъ отношеній къ Божеству.

Миссъ Вильсонъ. Вовсе не достаточно! Что это за отношенія къ Божеству, при которыхъ невозможна молитва? И какъ могу я молиться, когда я должна себѣ сказать, что съ самаго начала міра все рѣшено безъ возможности измѣненія?

Девилль. Нѣтъ, миссъ Вильсонъ, вы можете молиться, и молиться съ вѣрою и успѣхомъ.

Въ своемъ первомъ дѣйствіи Богъ имѣлъ передъ глазами и вашу молитву, и если считалъ ее достойной исполненія, принялъ и ее въ расчетъ при опредѣленіи того начальнаго состоянія, которое Онъ далъ міру. Если вамъ сегодня дѣйствительно посылается хорошая погода, или здоровье, о которомъ вы молитесь, то это происходитъ, какъ мы обыкновенно выражаемся, вслѣдствіе опредѣленнаго отъ начала міра ряда физическихъ причинъ; но стеченіе ихъ въ данномъ случаѣ было опредѣлено такъ, а не иначе, потому что вы молились.

Для нашего земного, связаннаго со временемъ, образа мыслей этотъ родъ причинности трудно понятенъ, но для Существа, стоящаго выше времени, нѣтъ ничего естественнаго. Я только что говорилъ о первомъ дѣйствіи Творца, желая выразить нашимъ языкомъ существованіе этого дѣйствія при началѣ міра. Но я точно также могъ бы сказать

дѣйствіе, совершаемое Богомъ нынѣ, или дѣйствіе, имѣющее совершиться въ будущемъ, ибо въ дѣйствительности оно *вѣчно* и слѣдовательно присуще всякому времени.

Если понимать Провидѣніе въ этомъ смыслѣ, то ученый можетъ въ каждомъ отдѣльномъ явленіи природы или исторіи видѣть результатъ физическихъ причинъ, вѣрующій можетъ видѣть въ немъ дѣло Божіе, а вѣрующій ученый— дѣло Божіе, совершаемое путемъ естественныхъ причинъ

Леруа. Поздравляю васъ, г. Девилль!

Вы объяснили идею Провидѣнія такимъ истинно философскимъ образомъ, какъ я еще нигдѣ не слыхалъ. Если такъ смотрѣть на дѣло, то я понимаю, что можно согласовать научность съ религіозностью.

Но есть одна вещь, которая для меня помѣха всему, именно та, которую вы оставили безъ вниманія—*необычное* вмѣшательство Бога. Если-бы дѣло шло объ исключеніяхъ, о притязаніяхъ отдѣльныхъ религій, ихъ можно было бы оставить безъ вниманія; но мы вчера сказали, что почти всѣ религіи ссылаются на сверхъестественныя событія, на небесныя откровенія. Въ особенности христіанство, которое лежитъ къ намъ ближе всего и о которомъ мы должны думать всякій разъ, какъ произносимъ слово религія, полно чудесъ и откровеній, которыя оно выдаетъ за историческіе факты, въ то время какъ наука устами Ренана и другихъ ученыхъ отвергаетъ ихъ существованіе. Этого разнорѣчія по-моему нельзя ни обойти, ни устранить разграниченіемъ метафизики и религіи, потому что въ данномъ случаѣ и утвержденіе и отрицаніе имѣютъ своимъ предметомъ одни и тѣ же наглядныя явленія.

А. Я позволю себѣ отвѣтить со своей точки зрѣнія, не покидая притомъ хода мыслей г. Девилля. Здѣсь въ самомъ дѣлѣ нѣтъ того объективнаго раздѣленія между опытной наукой, съ одной стороны, и религіей и философіей съ другой, какое г. Девилль удачно прослѣдилъ въ области естественныхъ наукъ. Но здѣсь существуетъ двойственность побужденій, проистекающая изъ тѣхъ же источниковъ. Такъ Ренанъ, открывающій безъ стѣсненія свой методъ исторической критики, заранѣе объявляетъ, что каждое сверхъестественное явленіе должно считаться несуществовавшимъ или подводиться подъ мѣрку обыкновенныхъ событій.

Другіе сознаются въ этомъ не такъ откровенно, но слѣ-

дуютъ этому такъ же точно. Разумѣется, критика, понимаемая въ такомъ смыслѣ, не можетъ устанавливать сверхъестественныхъ явленій, разъ она впередъ заявляетъ, что не хочетъ этого дѣлать.

Леруа. Но, досточтимый отецъ, это самое разумное изъ всѣхъ правилъ исторической критики! Сверхъестественнаго не бываетъ на свѣтѣ.

Кто когда видалъ чудеса?

Я. Я не буду сейчасъ доказывать существованіе чудесъ, а обращу ваше вниманіе только на то, что вы не по историческимъ и не по научнымъ а чисто по философскимъ соображеніямъ склоняетесь къ тому воззрѣнію, что сверхъестественныхъ откровеній нѣтъ и быть не можетъ. Извѣстное міровоззрѣніе заставляетъ васъ считать сверхъестественныя явленія невозможными. Какое историческое доказательство можете вы привести противъ подобныхъ явленій? Развѣ въ источникахъ исторіи, въ памятникахъ минувшаго не упоминается о нихъ безпрестанно? Развѣ въ наше время нѣтъ никого, кто бы утверждалъ, что видѣлъ чудеса? Да если-бы даже и не было, то обобщеніе такого наблюденія съ нашего на всѣ времена—смѣло и совсѣмъ не научно. Да, наконецъ, возьмемъ ближайшій примѣръ: сколько вашихъ земляковъ клянутся, что видѣли въ Лурдѣ чудеса! Я не разбираю, есть ли правда въ этихъ увѣреніяхъ, а только устанавливаю, что отрицаніе сверхъестественнаго и у васъ, и у Ренана, и у другихъ, поступающихъ подобнымъ же образомъ, вызывается не отсутствіемъ историческихъ свидѣтельствъ. Причина лежитъ скорѣе въ извѣстной философіи, которую вы и другіе составили себѣ потому ли, что рассматриваете міръ, какъ абсолютное, существующее безъ Творца, цѣлое, или считаете, что Богъ не можетъ творить чудесъ, или, наконецъ, находите себѣ еще какое нибудь основаніе. Во всякомъ случаѣ какаѣ-то метафизика міра или Бога исключаетъ для васъ возможность чудесъ и заставляетъ васъ въ исторической критикѣ проходить мимо описаній чудесъ, не останавливаясь для ихъ изслѣдованія.

Будь у васъ другая философія, вамъ не казалось бы невѣроятнымъ, что Богъ, желая просвѣтити родъ человѣческій относительно важнѣйшихъ истинъ, особеннымъ образомъ вдохновляетъ нѣкоторыхъ людей и, для удостовѣренія ихъ

посланничества передъ человѣчествомъ, окружаетъ ихъ извѣстными, выходящими за предѣлы обычнаго порядка вещей, знаками Своей мудрости. На самомъ дѣлѣ это является вовсе не отрицаніемъ причинности и мірового порядка, а только доказательствомъ, что надъ силами природы господствуетъ еще высшая причина, и что могутъ существовать законы и цѣли выше законовъ и цѣлей природы.

До тѣхъ поръ, пока человѣкъ стоитъ на почвѣ атеистической философіи, духъ его понятно возмущается противъ всякаго сверхъестественнаго откровенія: оно для него—что-то чуждое, неразумное, и онъ долженъ отрицать его или, по крайней мѣрѣ, исказить такъ, чтобы стерся всякій слѣдъ сверхъестественнаго, хотя бы при такой работѣ должна была получиться карикатура въ родѣ Ренановской.

Только возвысившись до теистическаго міросозерцанія, человѣкъ дѣлается способнымъ видѣть въ извѣстныхъ историческихъ событіяхъ печать сверхъестественнаго, Божественный перстъ, указывающій, что Богъ соизволилъ здѣсь открыть Свою истину или Свою волю.

Гайнбергъ. Ну хорошо, наука сама по себѣ не стоитъ перекъ дороги къ религіозному міровоззрѣнію, и все зависитъ отъ того, какъ стать къ міру и съ какой философіей подойти къ наукѣ. Но это заводитъ насъ только еще дальше и вызываетъ вопросъ, какой же философіи надо держаться. Что можетъ склонить разсудокъ смотрѣть на міръ скорѣе съ точки зрѣнія теизма, чѣмъ монизма, или пантеизма, или любой другой системы?

Девилль. Г. фонъ-Гайнбергъ, мы исходили изъ положенія, что наше время противопоставляетъ религіи не философію, а опытыя науки. Дѣло идетъ о томъ, дѣйствительно ли новѣйшая наука противорѣчитъ религіи, и это мы только что разсмотрѣли.

Поднятый вами вопросъ о выборѣ философіи пространенъ какъ море, и я не намѣреваюсь исчерпывать его. Мнѣ только кажется, что даже поверхностному взгляду въ исторіи человѣческаго духа за XIX вѣкъ сразу откроются два явно противоположныя направленія.

Съ одной стороны направляются, какъ вы сами замѣтили, вопреки Тэнну, различныя философскія системы, изъ которыхъ каждая до тла уничтожаетъ все, построенное дру-

гимъ. Сначала изъ Англіи и Франціи пришелъ крайній матеріализмъ, затѣмъ обманчивый идеализмъ нѣмецкихъ философовъ, затѣмъ снова матеріализмъ, не замедлившій выродиться въ позитивизмъ, и наконецъ въ настоящую минуту, какъ новая реакція противъ матеріализма, признаніе, что должно существовать что нибудь и кромѣ видимаго міра.

Съ другой стороны посреди этихъ крайнихъ теченій стоитъ теизмъ; онъ въ то же время и классическая философія и вѣчная религія. Всѣ крайности невольно приносятъ ему дань тѣмъ, что отрицаютъ противоположныя крайности, а онъ обогащается всѣмъ, что они выводятъ на свѣтъ цѣннаго и неподдѣльнаго. Одинъ этотъ, такъ сказать, *вѣчный* видъ самъ по себѣ поучителенъ.

А когда человѣкъ захочетъ углубиться въ себя и въ полномъ спокойствіи, вдали отъ вѣншей борьбы и внутренняго голоса страстей, сравнитъ теистическое міровоззрѣніе съ попытками постигнуть міръ безъ Бога, и взвѣситъ, что больше отвѣчаетъ всей его природѣ, его разуму, сердцу, его нравственному и эстетическому чувству, то онъ не долго останется въ сомнѣніи, на чьей сторонѣ ему искать правды. Мой другъ Карлъ Секретанъ былъ правъ, утверждая, что пробнымъ камнемъ каждой философіи—какъ въ смыслѣ пользы, такъ и въ смыслѣ истинности ея—является логически вытекающее изъ нея нравственное ученіе. Всякая система, ведущая къ отрицанію нравственности, должна быть отринута не только потому, что она дурна, но и потому, что она ложна. Возможность противорѣчія между истинной и добромъ—нелѣпость. Нравственный долгъ, находящій себѣ подтвержденіе въ совѣсти, такъ же неопровержимо достоверенъ, какъ и законы мышленія, на которыхъ строить свое знаніе разсудокъ. Можетъ ли съ этой точки зрѣнія удержаться какая бы то ни было философія наряду съ той, которая признаетъ личнаго Бога, свободную волю, отвѣтственность человѣка и основанное на абсолютномъ различіи между добромъ и зломъ?

Гайнбергъ. Вы полагаете, что эти соображенія рѣшаютъ вопросъ о выборѣ философіи?

Девилль. Я полагаю, что они по крайней мѣрѣ даютъ достаточное основаніе для ориентированія и практическаго выбора сообразно съ требованіями жизни.

Я. Мнѣ кажется, что не только состояніе философіи, но и самое направленіе эмпирическихъ наукъ въ наше время благоприятствуетъ религіозному міровоззрѣнію. Разумѣется, всякое, даже простѣйшее, заключеніе о конечныхъ причинахъ, сдѣланное на основаніи научныхъ данныхъ, переходитъ, какъ доказалъ г. Девильтъ, границы современной науки. Въ этомъ отношеніи наука остается равнодушной къ дальнѣйшимъ выводамъ философской или религіозной метафизики, но иногда самыя направленія, по которымъ въ данную минуту идетъ изслѣдованіе, могутъ удаляться отъ философіи и религіи или приближаться къ нимъ.

Такъ, напр., генетическое и эволюціонистическое воззрѣніе нынѣшней науки на вселенную приближаетъ, какъ упомянулъ г. Девильтъ, умы къ теистическому міровоззрѣнію. Пока вмѣстѣ съ Аристотелемъ вѣрили, что міръ стоитъ непоколебимо, до тѣхъ поръ мысль объ его началѣ не напрашивалась такъ неотвязно. Съ наступленіемъ XIX столѣтія стали говорить о прогрессѣ и этимъ сдѣлали шагъ впередъ, потому что отнынѣ вниманіе устремлялось на точку, изъ которой вышли, и на конецъ, къ которому шли. Теперь говорятъ о развитіи, и этотъ новый лозунгъ, раздающійся на всѣхъ поляхъ знанія, представляетъ новый шагъ впередъ къ теистическому пониманію. Пока рѣчь идетъ только о прогрессѣ, то остается еще неизвѣстнымъ, откуда онъ взялся и гдѣ его причины. Его можно объяснить внѣшними факторами; прежніе трансформисты, какъ Ламаркъ, всѣ измѣненія приписывали вліянію обстановки; напротивъ, *эволюція* т. е. *развитіе*, обозначаетъ движеніе впередъ, извнутри наружу. То, что *развилося*, должно было *ipso facto* всегда *находиться* внутри въ потенціальномъ, зародышномъ состояніи. Эволюція предполагаетъ начало, заключающее въ потенціальномъ видѣ всѣ позднѣйшія законченныя формы и стремящееся къ ихъ дѣйствительному развитію. Это—принципъ усовершенствованія Негели, внутренняя сила развитія Виганда, Вейсмана, Кернера, *growth force* (сила роста) Копа и почти то же, что потенціальное состояніе тварнаго бытія у св. Августина. Дарвинъ еще не поднялся до высоты этого воззрѣнія, но нынѣшніе эволюціонисты понимаютъ его все лучше и лучше. Остается еще одинъ только шагъ, но наукъ въ сущности его уже незачѣмъ дѣлать. Ученымъ достаточно

обозрѣть мѣстность своей остановки, и они увидятъ, что выводъ ихъ изслѣдованій, т. е. начало, потенциально заключающее будущее, непременно предполагаетъ существованіе творческаго духа, понимающаго это будущее.

Еще ближе естественныхъ наукъ подходятъ къ религіи, и даже къ христіанству, науки историческія. Точность и добросовѣстность современнаго историческаго изслѣдованія разрушили много укрѣпленій, нѣкогда воздвигнутыхъ враждебнымъ религіи духомъ съ цѣлью преградить людямъ дорогу къ христіанству. Историческіе факты, составляющіе опору религіи откровенія, прежде казались такъ далеки и неясны, какъ планеты невооруженному глазу, и потому о нихъ можно было думать, что угодно. Теперь же открытія современной науки, подобно сильной подзорной трубѣ, приблизили ихъ къ намъ и сдѣлали ясныѣ. Многія историческія науки, какъ напр. археологія, лингвистика, исторія древняго искусства, доисторическая этнографія, исторія религіи и другія сначала, казалось, уходили въ сторону отъ Библии; теперь онѣ возвращаются къ ней и проливаютъ на нее столько свѣта, что въ наши дни каждый ученый видитъ въ ней въ высшей степени цѣнный историческій источникъ, тогда какъ еще въ XVIII столѣтіи на Библию смотрѣли, какъ на романъ.

Особенно начатки христіанства, вѣра и устройство первой церкви, время возникновенія книгъ Нов. Завѣта, все это начинаетъ выступать такъ ясно и близко! Вновь открытые тексты, могильныя надписи, живописи и осколки утвари подобались, какъ куски древней мозаики, и такъ пластично изображаютъ событія, что мы, кажется, можемъ схватить ихъ руками. Есть еще ученые, которые съ точки зрѣнія своей философіи отрицаютъ сверхъестественный характеръ этихъ событій, но и того, что они признаютъ исторически вѣрнымъ, человѣку, не предубѣжденному противъ религіи, достаточно для признанія въ нихъ Божественнаго элемента. Центральное событіе мировой исторіи среди окружающихъ его историческихъ подробностей, которыя современная наука все ясныѣ освѣщаетъ и придвигаетъ все ближе, такъ ярко раскрывается передъ честной, ищущей Бога, душой, что она невольно должна призвать: здѣсь Божіе милосердіе открыло себя человѣку.

Поэтому мы, какъ кажется, можемъ сказать, что теорія развитія и историческое направленіе въ современной наукѣ благоприятны религіи, и тѣмъ самымъ показываютъ намъ, какой философіи мы должны держаться.

Миссъ Вильсонъ. А я бы на вопросъ о томъ, какую философію надо выбирать, отвѣтила—смиренную. Бэконъ гдѣ-то говоритъ, что мы даже къ изученію природы должны подходить со смиреніемъ, т. е. не навязывать ей своихъ идей, а стремиться узнать, что въ ней хотѣлъ осуществить Богъ. Насколько же осторожнѣе должны мы быть въ дѣлѣ міросозерцанія, т. е. познанія взаимныхъ отношеній между Богомъ, природой и человѣкомъ, и какъ должны остерегаться системъ, могущихъ заслонить отъ насъ пониманіе того, что Богъ хотѣлъ, чтобы мы поняли! Мы должны съ величайшей заботливостью приготовить нашу душу къ воспріятію истины, которую намъ ввѣряетъ Богъ.

Леруа. Прекрасно!

Девилль. Очень хорошо! Въ этомъ урокъ наше время особенно нуждается. Его отличительный признакъ—высокомѣтріе мысли. Положимъ, оно объясняется необыкновенными завоеваніями въ наукѣ и промышленности, опьянившими головы, но тѣмъ не менѣе оно производитъ родъ философскаго головокруженія, неизвѣстнаго прежнимъ вѣкамъ. Замѣчательно, что XIX вѣкъ, такъ трезво державшій себя въ научномъ изслѣдованіи, дошелъ до такого безумства въ спекулятивной философіи. И эта гордыня нашего времени и объясняетъ его, дошедшее до отрицанія Бога, невѣріе. Это—логическое слѣдствіе и подобающее наказаніе.

Гайнбергъ. Сегодня наша бесѣда была не легка. Я удивляюсь выносливости миссъ Вильсонъ. Но что дѣлать? Мы попали на предметъ, съ которымъ иначе нельзя покончить. Во всякомъ случаѣ мы уяснили себѣ не одинъ интересный пунктъ, и приносимъ за то благодарность нашему сегодняшнему лидеру, г. Девиллю.

М. Моравскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).
